

Последнее сражение большевиков

Поколению Ленина удалось направить *двигатель войны* на реализацию революционной стратегии в условиях, когда *двигатель разложения крестьянства* пополнял города европейской части России миллионами новых молодых пролетариев, а ужасные условия труда порождали рост стихийной классовой борьбы, в которой участвовали миллионы наших товарищей по классу. В окопах и на кораблях первой мировой империалистической войны оказались тысячи большевиков, анархистов, эсеров-максималистов с опытом классовой борьбы и выкованным в ходе неё сознанием. Именно эта сила была хребтом пролетарского Октября, но и её оказалось недостаточно – гражданская война, мелкобуржуазная стихия, а затем и сталинистская контрреволюция в условиях поражения попытки европейской революции не позволили ей довести начатую борьбу до поставленной цели.

Но тем не менее, даже во второй половине 20-х годов численность децистов, – наиболее последовательных критиков сталинизма, составляла около 2 тыс. человек, из них 500 – в Москве и Ленинграде. “Децистами” называли участников группы демократического централизма, которую возглавляли старые большевики Тимофей Сапронов (1887–1937) и Владимир Смирнов (1887–1937). Кто-то назвал их “левеллерами” русской революции – в честь наиболее радикального крыла Английской революции XVII века. Их не интересовали посты в иерархии сталинской партии и государства – они боролись за интересы пролетариата, сохраняя верность своим принципам. Почти все децисты были расстреляны, но никого из них не удалось вывести на показательные процессы и заставить оклеветать себя и своих товарищей.

Подпольные центры “групп пролетарской оппозиции”, как они стали себя называть в 1928–1929 годы, координировали довольно массовые листовочные кампании, ориентированные прежде всего на промышленные предприятия, где они имели серьёзную опору среди рабочих. На этот аспект следует обратить внимание: даже в мрачную эпоху 30-х годов, когда сталинская контрреволюция в СССР, нацизм и фашизм в Европе доводили классовое господство буржуазии до крайних форм репрессивной диктатуры, революционные марксисты сохраняли поддержку среди пролетарских масс.

В листовках децисты прямо называли вещи своими именами: в СССР победила контрреволюция; государство, ВКП(б) и так называемые “общественные” организации (официальные профсоюзы и пр.) враждебны пролетариату, являются орудиями его угнетения и эксплуатации; нужно готовиться к новой революции, строить новую рабочую партию, а пока вести оборонительную борьбу против наступления правящего класса на права и интересы наёмных рабочих. Им было очевидно, *«что сроки мировой революции перенесены на неизвестное будущее»*, а построение социализма в одной стране *«равносильно построению социализма в одном уезде»*¹, – пишет в своих воспоминаниях Эдуард Дунэ (1899–1953), один из немногих выживших членов этой группы, который много лет провёл в воркутинских лагерях, но смог эмигрировать из СССР во время второй мировой войны. Во Франции он участвовал в партизанском движении; затем, оказавшись в одиночестве, примкнул к меньшевикам, но остался верен своим взглядам, о чём свидетельствует опубликованный в 1947 году текст.

Уже осенью 1926 года децисты покинули троцкистско-зиновьевскую объединённую оппозицию, посчитав её политику в отношении сталинского руководства недопустимо примиренческой и непоследовательной. Как выразился с рабочей прямоотой Сапронов: *«Мы Троцкому чистить сапоги не будем!»*. При этом следует отметить, что в ряде крупных региональных отделений “объединённой оппозиции” – на Донбассе, в Брянске, Свердловске – влияние децистов было преобладающим.

Организация децистов изначально строилась не как внутривнутрипартийная фракция, а как сеть законспирированных ячеек, рассчитанная на работу в условиях подполья. Этим она отличалась от троцкистских групп, которые бросали все свои силы на участие в партсобраниях, тщетно пытаясь победить партаппарат “конституционными” средствами. Показательно, что в группу принимали как старых большевиков, так и беспартийных.

«Борьба за внутривнутрипартийную реформу не сможет дать ничего существенного, будет ли у власти Сталин или Троцкий. ВКП(б) уже в настоящее время (1926 г.) не является партией

рабочего класса и не выражает интересы рабочего класса», – пишет Дунэ. Поэтому децисты ставили перед собой задачу не борьбы за смену Сталина Троцким или другим лицом, а понимали, что их ждёт «кропотливая, длительная работа» по созданию «настоящей пролетарской партии». Это был крайне тяжёлый выбор. «Сталин пугал свою партию опасностью раскола и гибели диктатуры пролетариата – советской власти. Тем же пугали троцкисты, но они не заметили, что раскол нужен был Сталину, что советская власть ликвидирована при Сталине. Но теперь? Теперь, как и раньше, бывшая внутрипартийная оппозиция разрознена и не в силах создать единую организацию среди единомышленников, сидящих по политизоляторам. [...] Морально мучительно рвать со всем своим прошлым, признать, что десятки лет своей сознательной жизни нужно списать со счёта как ошибочные. Это уж не из области фактов, а психологии, но тем не менее она (наша психология) не всегда разрешала видеть реальную картину».²

Создав автономную организацию, децисты не выступали открыто, не собирали подписи под своими документами, а предпочитали вести индивидуальную работу с людьми и проводить листовочные кампании. «Наши низовые организации (ячейки) насчитывали не более 5 человек, при наличии большего количества – новая ячейка в том же предприятии. Представители ячеек выбирали представителей в центры. Такие центры я знал: на Украине (Харьков), Донбассе (Луганск), Урале (Свердловск) и Москве. В Москве помимо местного центра существовал свой “Литературный центр”. В Ленинграде такого центра не существовало, так как было очень мало наших сторонников (знаю, так как отвозил туда чемодан с литературой)»³. Ленинград был главным центром троцкистско-зиновьевской оппозиции. «От имени группы могли говорить, выступать на собраниях лишь те, которые себя расшифровали [то есть, рассекретили]. В неизбежных случаях во внутрипартийных спорах могли говорить от имени троцкистов. Такая конспирация не могла удовлетворять молодую горячую кровь. Она стремилась к активному выступлению. Молодёжь бурлила, кипела. Для Троцкого молодёжь была барометром партии. Действительно, троцкисты впитали в себя прекрасные кадры из молодёжи, среди которых в процессе борьбы вырастали талантливые фигуры, к словам которых прислушивалась старая гвардия и зачастую шла на поводу у этой молодёжи [...]. Сторонники троцкистов все стали известны и все были сосланы. Сторонники децистов пострадали меньше»⁴. Серьёзное внимание децистами уделялось созданию нелегальных типографий, закупке множительной техники. Был даже создан свой “Красный крест” для помощи политзаключённым. Именно благодаря конспиративному характеру организации некоторые децисты погибли уже от рук гестаповцев, а не сталинистов, другие же продолжили деятельность и после второй мировой войны, причём не будучи ни разу арестованными: один работал в Институте красной профессуры, другой в Институте мирового хозяйства. Были ли другие? Неизвестно. Но и в брежневские времена, в том числе и в Харькове, где в сталинскую эпоху был один из центров децистов, существовали группы рабочей и студенческой молодёжи, утверждавшие, что у СССР был капиталистический базис, что государство – это диктатура капитала. Вряд ли имелась непосредственная связь между децистами и этими группами, но если бы она была, то, скорее всего, сегодня мы были бы силой, которая могла бы выше поднять знамя пролетарского интернационализма.

«Организация “децистов” не имела у себя громких имён, популярных в широких партийных кругах или в стране. У нас не было ни своего Ленина, ни Плеханова, ни Троцкого. Зато была уверенность, что время поможет их найти»⁵. А ещё была уверенность, что время же проверит правильность оценок и сделанного на основе них выбора.

Это одна из многих малоизвестных страниц истории нашего класса, опыт, который должны усвоить новые поколения марксистских милитантов. В лице децистов большевизм предпринял безуспешную попытку спасти в себе то, что связывало его со стратегией мировой революции. В этом смысле их можно назвать “последними большевиками”.

Июнь 2025 г.

¹ - Дуне (Иванов) Э. Демократический централизм // Архив Троцкого. Харьков, 2001. Т. 2. С. 391.

² - Там же.

³ - Там же. С. 392.

⁴ - Там же. С. 392–393.

⁵ - Там же. С. 392.